

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ СОВЕТСКОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ПРОЕКТА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1920-х – НАЧАЛО 1930-х ГОДОВ)*

В статье рассмотрена проблема кадрового обеспечения советского индустриального проекта в 1920-х – начале 1930-х гг. Дан анализ процесса индустриальной трансформации структуры рабочих мест и соответствующих ему изменений в составе рабочего класса. На основе опубликованных и архивных источников прослежена адаптация «старых» и «новых» рабочих к специализированным, оборудованным, механизированным рабочим местам, к упорядоченному и регламентированному индустриальному стилю труда. Показано, что на рубеже 1920–1930-х гг. «новые» рабочие стали играть ключевую роль в заводском сообществе за счет успешной адаптации к интенсивному режиму труда и разрушения традиционной цеховой культуры.

СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО; ЗАВОДСКОЕ СООБЩЕСТВО; ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ; «НОВЫЕ» РАБОЧИЕ; ЦЕХОВАЯ КУЛЬТУРА.

Индустриализация стала одним из самых важных сюжетов советской истории, вызовом, на который общество ответило масштабными переменами во всех сферах жизни. Советская программа форсированного развития промышленности в конце 1920-х – начале 1930-х гг. являлась своеобразным сочетанием политического и экономического, элитарного и массового, романтического и мобилизационного аспектов. Взятые в совокупности, они представляют собой поле для широкого системного исследования.

Проблема индустриализации неразрывно связана с изучением ее кадрового потенциала, социального и профессионального облика различных страт промышленного сообщества. Советский индустриальный проект потребовал обеспечения трудовыми ресурсами, соответствующими новой «архитектуре» производственных процессов.

В XX в. подавляющее большинство новых рабочих мест создавалось в промышленности, множество работников мигрировало из деревни

в город, порождая феномен «новых» рабочих. В России, где еще в 1880-х гг. рабочий воспринимался как «крестьянин, отошедший на заработки», в первой трети XX столетия проблема перехода «от фермы к фабрике» (Р. Аллен) и адаптации работников к специализированным, оборудованным, механизированным рабочим местам, к упорядоченному и регламентированному индустриальному стилю труда оказалась особенно острой. Эта острота отразилась и на взаимоотношениях внутри заводских сообществ, сложных многообразных связях между различными группами людей, которые были заняты в промышленном производстве (рабочими, мастерами, инженерами, администраторами). С полным правом их можно назвать акторами советского индустриального политического проекта.

Несмотря на внимание современной историографии к истории рабочей повседневности [1–3], к проблеме взаимоотношений рабочего класса и власти [4–8], к различным аспектам сталинской индустриализации [9–11], проблема возрастной и профессиональной дифференциации заводских сообществ в связи с динамикой развития промышленности остается недостаточно изученной.

После Гражданской войны, в первой половине 1920-х гг., восстановление трудовых

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00383 «Советский индустриальный политический проект: разработка и начало реализации (1921–1932 гг.)».

коллективов фабрично-заводских предприятий осуществлялось прежде всего за счет возвращения «старых» рабочих. Этому во многом способствовала деятельность профсоюзов, носившая антикрестьянскую, антиженскую, антиподростковую направленность [12, с. 21]. К 1926 г. на смену тем, кого воспринимали как «резервную армию труда», пришли вернувшиеся с фронта и из деревень опытные рабочие. Но этот ресурс оказался быстро исчерпан.

Промышленность при наличии безработицы столкнулась с нехваткой квалифицированной рабочей силы. Потребность в такой силе в 1925/26 х. г. составляла 433 тыс. человек, причем удовлетворялась она только на четверть. И ситуация не менялась к лучшему. На 1 января 1931 г. в авиационной промышленности, например, только 3 % рабочих обладали высокой квалификацией, 30 % – средней, 46 % были полуквалифицированными и 21 % – неквалифицированными [13, с. 244].

Пользуясь своей востребованностью, квалифицированные рабочие искали лучшего места. Дефицит кадров был так велик, что, случалось, администрация предприятия отказывала им в расчете, чтобы удержать [14, с. 168]. По всей крупной промышленности рабочий в среднем оставался на одном предприятии около года, затем переходил на другое производство, нередко даже в другую отрасль.

Непрерывный рост занятости характерен для всего периода нэпа. Параллельно с возвращением кадровых рабочих в производство вовлекалась городская молодежь, достигшая трудоспособного возраста. Однако в большей степени спрос на рабочую силу удовлетворялся за счет детей крестьян. Еще в конце 1950-х гг. Л.С. Рогачевская на основе изученных данных о работе бирж труда так охарактеризовала источники пополнения рабочего класса: 34 % посланных в 1926 г. на заводы и фабрики рабочих были выходцами из деревни (удельный вес этой группы был выше в провинции, особенно на Урале, – местами более 50 %). В целом же исследователь определяла долю крестьян среди «новых» рабочих, влившаяся в промышленность в 1926–1927 гг., в 40 % [15, с. 56]. Если в 1921–1925 гг. цензовая промышленность страны ежегодно вбирала в себя по 200–300 тыс. «новых» рабочих, то за следующие 14 лет, с 1926 по 1939 г., из села в город переселилось 18,5 млн человек [16, с. 229].

Впрочем, исследования текстильного производства, проведенные О.И. Шкартаном и К. Уордом, опровергают традиционный стереотип о преобладании выходцев из деревни. Напротив, согласно данным переписи рабочих и служащих, текстильная промышленность занимала в 1929 г. второе место после машиностроения по удельному весу кадровых рабочих [17, с. 26; 18]. Это подтверждают материалы исследования восьми хлопчатобумажных фабрик с общей численностью рабочих 50 тыс., проведенного в 1927–1928 гг. в связи с введением 7-часового рабочего дня: 71 % переведенных на укороченный рабочий день и уплотненную работу трудились по той же профессии и до перевода, «новых» рабочих было только 9 % [19, л. 74].

К «новым» рабочим в это время относились также бывшие городские мещане и представители интеллигенции, дети рабочих, молодежь, «старые» рабочие, покинувшие производство 10–12 лет назад. В целом считалось, что «новый» рабочий – тот, кто имеет производственный стаж не более 3–4 лет [20].

Насколько новички изменяли лицо рабочего класса? До сих пор в литературе на этот вопрос нет однозначного ответа [21, с. 73; 22, с. 336; 23; 24, с. 19–21].

Проблема «новых» рабочих актуализировалась в советской трудовой политике в середине 1920-х гг. Кампании по рационализации производства, режиму экономии, переходу на уплотненную работу при 7-часовом рабочем дне в конце этого десятилетия остро поставили вопрос о квалификации рабочих. Объясняя отсутствие желаемого повышения производительности труда, организаторы кампаний сваливали вину на изменение социального состава пролетариата в связи с приходом неквалифицированной деревенской молодежи, вносящей «рваческие тенденции и недисциплинированность» в рабочую среду: «Посудите сами, какое дело крестьянину до завода? Ему побольше бы получить, да коровенку в деревне купить, лошадку завести, домишко поправить, а на завод ему наплевать» [25, с. 65].

Конечно, не стоит идеализировать «новых» рабочих. Устремившийся из деревни миграционный поток, пополнявший тесные коммуналки и необустроенные городские окраины, привносил в рабочий класс настроения, отражавшие психологию оторванного от своих кор-

ней и потерявшего в городской обстановке человека. Новоиспеченные горожане составляли особую субкультуру: бывшие крестьяне держались в городе обособленно, работали артелями, селились общинами, воспроизводили в быту привычные крестьянские повседневные практики [26]. Всё это вызывало антипатию со стороны «потомственных горожан», которые связывали с мигрантами и всплеск безработицы, и обострение жилищного кризиса, и рост уличной преступности.

Немало проблем было связано с «новыми» рабочими и на производстве. Попав в заводскую среду, они оказывались в положении аутсайдеров из-за отсутствия квалификации и недостаточной грамотности. Большинство из них (80–90 %) поступали на заводы и фабрики чернорабочими, а значит, имели крайне низкие заработки, что вызывало недовольство. Например, на XXIII Ленинградской губернской партконференции (1926 г.) один из делегатов говорил, что «новые» рабочие «чувствуют себя на наших заводах, как продавцы рабочей силы. Они получают сравнительно низкую зарплату вследствие своей малой квалифицированности (а в городской жизни быстро развиваются потребности даже у выходцев из деревни) и чувствуют себя обойденными даже по сравнению со своими соседями по станку, рабочими высокой квалификации, получая в 2–3 раза меньше их. Благодаря этим настроениям вновь прибывшие на фабрику рабочие создают на наших заводах и фабриках понижающий тон, они, конечно, вызывают понижение активности участия рабочих в промышленном строительстве» [27, с. 85].

Новичкам было трудно адаптироваться в фабричной среде. Журнал «Охрана труда» в 1925 г. писал: «Современные условия промышленного труда сильно осложнились — усовершенствованная техника внесла большие улучшения в эти условия, но вместе с тем вызвала скученность работающих на небольшой площади. <...> Тяжелые условия промышленного труда сказались на утомлении организма вследствие чрезмерного напряжения, вредного влияния газов и паров, опасности механизмов и отдельных работ» [28]. Важно и то, что, как заметил С. Коткин, в условиях индустриализации «обучение навыкам труда стало гораздо большим, чем вопрос о замене циклического дере-

венского времени и сельскохозяйственного календаря 8-часовой сменой, 5-дневной рабочей неделей и 5-летним планом» [29, с. 256]. Власть пыталась привить «новым» рабочим ценности, которые противоречили их традиционной культуре и видению мира. Хотя культурные веяния, возникавшие за фабричными воротами, вторгались на фабрики, многое в практике набора, технике обучения и цеховой культуре в целом не менялось [23]. Один из участников Орехово-Зуевской рабочей конференции (1926 г.) отмечал, что «рабочий низшей категории должен ждать десятки лет, обливаясь на получающих высшую категорию» [30, л. 41].

«Новые» рабочие изменили облик пролетариата, однако это произошло не сразу. Пока на промышленных предприятиях доминировала традиционная цеховая культура, они были обузой, с трудом встраивались в заводскую иерархию, встречали негативное к себе отношение. Но во второй половине 1920-х гг. ситуация изменилась, и теперь уже «старые» рабочие стали тормозом для внедрения новых методов труда.

В 1920-х гг., когда политика в области заработной платы (особенно с 1924 г.) сводилась к периодическому снижению расценок, единственной возможностью вырваться из беспросветной нищеты было повышение профессионального уровня, увеличение индивидуальной выработки, исключавшее прогулы и перекуры, или выдвиженчество (вариант, связанный с общественно-политической активностью, работой в профсоюзной организации, вступлением в партию или комсомол и пр.). В этих условиях «новые» рабочие проявили бóльшую приспособляемость. Например, в 1926 г. на специальном совещании по вопросу о работе среди новых слоев рабочих в Ленинградском губкоме ВКП(б) выступавшие говорили о том, что процент прогулов выше у «старых» рабочих, которые «чувствуют себя на заводе крепче», «не боятся сокращения, так как цех в них нуждается. Что же касается „нового“ рабочего, то он старается особенно крепко держаться за производство, он меньше зарабатывает, ему нельзя много гулять, да и сокращения он боится больше, чем „старый“ рабочий». В случае конфликтов инициаторами выступают чаще «старые» рабочие. Новички более уважительно относятся к мастерам и другим представителям администрации [31, л. 9–12].

Опасность потерять место грозила мало-квалифицированным, не имеющим большого производственного стажа новичкам в большей степени, нежели кадровым рабочим, и особенно членам партии. Именно они, по некоторым данным, являлись нарушителями трудовой дисциплины и зачинщиками забастовок. Но, будучи «политическим авангардом», эти категории рабочих представляли собой «священную корову», покуситься на которую было невозможно, не разрушив основных идеологических постулатов большевизма. Поэтому все беды производства связывались с «новыми» рабочими, объявленными носителями «непролетарской психологии».

С другой стороны, у «новых» рабочих было большое преимущество по сравнению со старшим поколением: они не знали «капиталистического гнета, дореволюционной пролетарской выучки», не имели опыта работы в старом режиме и были более восприимчивы к нововведениям технического и организационного характера. Если «старые» рабочие могли заявить, что советская власть эксплуатирует их хуже бывших хозяев, или отказаться работать на непривычном им конвейере, то заводская молодежь и вчерашние крестьяне были готовы трудиться в предлагаемых им обстоятельствах, а свое недовольство условиями и тяжестью труда выплескивать в распространенном в цехах и на городских улицах хулиганстве.

Именно в этой среде молодых, но относительно квалифицированных рабочих, которые занимали промежуточное положение между «старыми», потомственными, и «новыми» рабочими, выходцами из деревни, зародилось движение ударников. В 1920-х гг. они находились в непривилегированном положении,

подвергались определенной дискриминации в оплате труда и стремились улучшить свое социальное положение. Именно эти группы рабочих (в основном члены партии и комсомола) объединялись в ударные бригады для защиты своих интересов, начинали соревнование, требовали более высоких темпов индустриализации, готовы были терпеть «временные трудности» [32, с. 113–121].

Стремление молодых рабочих отстаивать собственные интересы, нежелание подчиняться старшим по возрасту подавлялись до тех пор, пока юношеский энтузиазм не потребовался для того, чтобы сломать традиционную цеховую культуру во имя форсированной индустриализации. До этого в официальном дискурсе был распространен тезис о том, что молодые рабочие трудятся спустя рукава: «Что им завод? – каторга, где заставляют работать, потому что многие из них вообще до этого нигде не работали» [25, с. 65]. Но с началом 1-й пятилетки (1928–1932) власть сделала ставку на заводскую молодежь, ее энтузиазм, безбывность, готовность к работе в новых условиях конвейерной системы.

Таким образом, «новые» рабочие представляли собой дискриминируемую группу в рамках традиционной цеховой культуры, в которой переход от одного статуса к другому был длительным и трудным. Но в ходе реализации советского индустриального проекта эта культура была сломана.

Изучение сложного процесса адаптации «новых» рабочих к производственным процессам на фабрике, к городской жизни, к новым социальным отношениям позволяет понять механизм трансформации стиля индустриального труда, формирования нового типа рабочего, характерного для эпохи первых пятилеток.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бехтерева Л.Н. Стекольные заводы Удмуртии в 1920-е годы: организация производства и повседневные практики рабочих // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 12. История. Вып. 31. С. 50–55.
2. Журавлев С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 239 с.
3. Koenker D. Republic of Labor: Russian Printers and Soviet Socialism, 1918–1930. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2005. 343 с.

4. Лютов Л.Н. Власть и общество в годы нэпа (1922–1929) через призму настроений провинции (на материалах Симбирско-Ульяновского Поволжья). Ульяновск: Изд-во А.В. Качалина, 2010. 448 с.
5. Яров С.В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х гг. СПб.: Европейский дом, 2006. 570 с.
6. Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 344 с.

7. Нойтатц Д. Московское метро: от первых планов до великой стройки сталинизма (1897–1935). М.: РОССПЭН, 2013. 783 с.
8. Офицерова Н.В. Советский индустриальный проект: политические субъекты и акторы // Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та. Сер. Обществ. и гуманитарн. науки. 2016. № 3. С. 30–34.
9. Самуэльсон Л. Танкоград: секреты русского тыла, 1917–1953. М.: РОССПЭН, 2010. 375 с.
10. Грегорн П. Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН, 2006. 400 с.
11. Голдман В. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.). М.: РОССПЭН, 2010. 357 с.
12. Фицпатрик Ш. Классы и проблемы классово-принадлежности в Советской России 20-х гг. // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 16–31.
13. Соколов А.К. «Особое напряжение»: кадры советского военпрома в конце 1920-х – начале 1930-х годов // Социальная история. 2007. М.: РОССПЭН, 2007. С. 219–258.
14. Колодникова Л.П. Советское общество 20-х годов XX века: по документам ВЧК – ОГПУ. М.: Наука, 2009. 479 с.
15. Рогачевская Л.С. Из истории рабочего класса СССР в первые годы индустриализации. 1926–1927 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 255 с.
16. Население России в XX веке: исторические очерки. В 3 т. Т. 1. 1900–1939. М.: РОССПЭН, 2000. 463 с.
17. Шкаратан О.И. Изменения в социальной структуре рабочего класса СССР. 1917–1965 гг. (историко-социологическое исследование). Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. 40 с.
18. Ward C. Russia's Cotton Workers & the New Economic Policy. Cambridge, 1990. 322 p.
19. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7058. Оп. 1. Д. 38.
20. Беренделин П. О новых слоях рабочего класса // Под знаменем коммунизма. 1927. № 2. С. 70–71.
21. Деревнина Л.И. Рабочие Ленинграда в период восстановления народного хозяйства. 1921–1925 гг.: численность, состав и материальное положение. Л.: Наука, 1981. 192 с.
22. Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М.: Прогресс, 1988. 574 с.
23. Hoffmann D.L. Peasant Metropolis. Social Identities in Moscow, 1929–1941. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1994. 282 p.
24. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.
25. Жига И. Новые рабочие. М.; Л.: Моск. рабочий, 1928. 160 с.
26. Нормы и ценности повседневной жизни: становление социалистического образа жизни в России, 1920–1930-е годы. СПб.: Журнал «Нева», 2000. 480 с.
27. Стенографический отчет XXIII чрезвычайной конференции Ленинградской губернской организации ВКП(б). 10–12 февраля 1926 г. Л.: Прибой, 1926. 120 с.
28. Шевалев Н.А. Что такое техника безопасности // Охрана труда. 1925. № 1. С. 3.
29. Коткин С. Говорить по-большевистски // Американская русистика. Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 2001. С. 250–328.
30. Российский государственный архив социально-политической документации. Ф. 17. Оп. 60. Д. 827.
31. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 16. Оп. 1. Д. 209.
32. Kuromiya H. Stalin's Industrial Revolution: Politics and Workers, 1928–1932. Cambridge Univ. Press, 1988. 384 p.

УЛЬЯНОВА Светлана Борисовна — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: sbulyan@yandex.ru

S.B. Ulyanova

WORKFORCE IN THE SOVIET INDUSTRIAL PROJECT (THE SECOND HALF OF 1920S – EARLY 1930S)

The paper dwells on the problem of personal support of the Soviet industrial project in the 1920s – early 1930s. The author analyzes the process of industrial transformation in the structure of employment and corresponding changes in the composition of the working class. The author draws attention to the adaptation of “old” and “new” workers to specialized, equipped, mechanized work places, to new – ranked and regulated – industrial work style. The author concludes that during the period under review newcomers began to play a key role in factory communities because of successful adaptation to a more intensive mode of labour and a certain destruction of traditional workshop culture.

SOVIET SOCIETY; FACTORY COMMUNITY; INDUSTRIALIZATION; “NEW WORKERS”;
WORKSHOP CULTURE.

REFERENCES

1. Bekhtereva L.N. Stekol'nyye zavody Udmurtii v 1920-ye gody: organizatsiya proizvodstva i povsednevnyye praktiki rabochikh. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo univ.*, 2009, no. 12. Istoriya. Iss. 31, pp. 50–55. (In Russ.)
2. Zhuravlev S.V., Mukhin M.Yu. “Krepost' sotsializma”: povsednevnost' i motivatsiya truda na sovetskom predpriyatii, 1928–1938 gg. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 239 p. (In Russ.)
3. Koenker D. Republic of Labor: Russian Printers and Soviet Socialism, 1918–1930. Ithaca, Cornell Univ. Press, 2005. 343 p.
4. Lyutov L.N. Vlast' i obshchestvo v gody nepa (1922–1929) cherez prizmu nastroyeniy provintsiy (na materialakh Simbirsko-Ulyanovskogo Povolzhya). Ulyanovsk, A.V. Kachalin Publ., 2010. 448 p. (In Russ.)
5. Yarov S.V. Konformizm v Sovetskoj Rossii: Petrograd 1917–1920-kh gg. St. Petersburg, Yevropejskiy dom Publ., 2006. 570 p. (In Russ.)
6. Livshin A.Ya. Nastroyeniya i politicheskiye emotsii v Sovetskoj Rossii: 1917–1932 gg. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 344 p. (In Russ.)
7. Neutatz D. Moskovskoye metro: ot pervykh planov do velikoy stroyki stalinizma (1897–1935). Moscow, ROSSPEN Publ., 2013. 783 p. (In Russ.)
8. Ofitserova N.V. Sovetskiy industrial'nyy proyekt: politicheskiye subyekty i aktory. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo univ.* Ser. Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki, 2016, no. 3, pp. 30–34. (In Russ.)
9. Samuelson L. Tankograd: sekrety russkogo tyala, 1917–1953. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 375 p. (In Russ.)
10. Gregory P. Politicheskaya ekonomiya stalinizma. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 400 p. (In Russ.)
11. Goldman V. Zhenshchiny u prokhodnoy. Gendernyye otnosheniya v sovetskoj industrii (1917–1937 gg.). Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 357 p.
12. Fitzpatrick Sh. Klassy i problemy klassovoy pri-nadlezhnosti v Sovetskoj Rossii 20-kh gg. *Voprosy istorii*, 1990, no. 8, pp. 16–31. (In Russ.)
13. Sokolov A.K. “Osoboye napryazheniye”: kadry sovetskogo voyenproma v kontse 1920-kh – nachale 1930-kh godov. *Sotsial'naya istoriya*, 2007. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007. Pp. 219–258. (In Russ.)
14. Kolodnikova L.P. Sovetskoye obshchestvo 20-kh godov XX veka: po dokumentam VChK – OGPU. Moscow, Nauka Publ., 2009. 479 p. (In Russ.)
15. Rogachevskaya L.S. Iz istorii rabochego klassa SSSR v pervyye gody industrializatsii. 1926–1927 gg. Moscow, AN SSSR Publ., 1959. 255 p. (In Russ.)
16. Naseleniye Rossii v XX veke: istoricheskiye ocherki. In 3 vol. Of vol. 1. 1900–1939. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. 463 p. (In Russ.)
17. Shkaratan O.I. Izmeneniya v sotsial'noy strukture rabochego klassa SSSR. 1917–1965 gg. (istoriko-sotsiologicheskoye issledovaniye). Leningrad, LGU Publ., 1968. 40 p. (In Russ.)
18. Ward C. Russia's Cotton Workers & the New Economic Policy. Cambridge, 1990. 322 p.
19. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoj Federatsii. F. 7058. Op. 1. D. 38.
20. Berendelin P. O novykh sloyakh rabochego klassa. *Pod znamenem kommunizma*, 1927, no. 2, pp. 70–71. (In Russ.)
21. Derevnina L.I. Rabochiye Leningrada v period vosstanovleniya narodnogo khozyaystva. 1921–1925 gg.: Chislennost', sostav i material'noye polozheniye. Leningrad, Nauka Publ., 1981. 192 p. (In Russ.)

22. Cohen S. Bukharin. Politicheskaya biografiya. 1888–1938. Moscow, Progress Publ., 1988. 574 p. (In Russ.)
23. Hoffmann D.L. Peasant Metropolis. Social Identities in Moscow, 1929–1941. Cornell Univ. Press, 1994. 282 p.
24. Fitspatrik Sh. Povsednevnyy stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-ye gody: gorod. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 336 p. (In Russ.)
25. Zhiga I. Novyye rabochiye. Moscow, Leningrad, Moskovskiy Rabochiy Publ., 1928. 160 p. (In Russ.)
26. Normy i tsennosti povsednevnoy zhizni: stanovleniye sotsialisticheskogo obraza zhizni v Rossii, 1920–1930-ye gody. St. Petersburg, Zhurnal "Neva" Publ., 2000. 480 p. (In Russ.)
27. Stenograficheskiy otchet XXIII chrezvychaynoy konferentsii Leningradskoy gubernskoy organizatsii VKP(b). 10–12 fevralya 1926 g. Leningrad, Priboy Publ., 1926. 120 p. (In Russ.)
28. Shevalev N.A. Chto takoye tekhnika bezopasnosti. *Okhrana truda*, 1925, no. 1, p. 3. (In Russ.)
29. Kotkin S. Govorit' po-bolshevistski. *Amerikanskaya rusistika*. Samara, Samarskiy univ. Publ., 2001. Pp. 250–328. (In Russ.)
30. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy dokumentatsii. F. 17. Op. 60. D. 827.
31. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov St. Peterburga. F. 16. Op. 1. D. 209.
32. Kuromiya H. Stalin's Industrial Revolution: Politics and Workers, 1928–1932. Cambridge Univ. Press, 1988. 384 p.

ULYANOVA Svetlana B. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: sbulyan@yandex.ru